



Авторская серия
ЛЕНЫ СОКОЛ

ЛЕНА СОКОЛ

Мой
желанный
брак

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
С59

Художественное оформление *Ольги Сапожниковой*

Фотография автора @Ирина Шайхразиева

Сокол, Лена.
С59 **Мой желанный враг / Лена Сокол.** – Москва : Эксмо,
2022. – 352 с.

ISBN 978-5-04-173114-4

Полина не искала роскошной жизни. Все, чего она хотела, – спасти свою мать, умирающую от рака. Но за все надо платить. Особенно за помощь влиятельных людей.

Виктор – отличный парень и прекрасный муж, но его друг Марк...

Полина не может игнорировать свои чувства к жестокому, хладнокровному, хищному Марку.

При каждой их встрече она трепещет от страха и желания одновременно. Это тяга на грани сумасшествия.

Что победит: здравый смысл или животный инстинкт?

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-04-173114-4

© Сокол Е., 2022

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Плейлист

Glass Animals – Heat Waves
Nickelback – How You Remind Me
Duncan Laurence – Arcade
BANKS – Beggin For Thread
Astrid S – Hurts So Good
Fleurie – Love And War
John Newman – Love Me Again
Sofia Karlberg – Toxic
Bahari – Bipolar
Rosenfeld – I Want You
Imagine Dragons – Wrecked
Sam Smith – Fire On Fire
Normani ft. Cardi B – Wild Side
Royal Deluxe – I'm A Wanted Man
Maroon 5 – Lost

Я помню, как плакал мой мальш, когда его забирали у меня. Помню жестокие руки, что отняли моего сына. Руки человека, которого я когда-то безумно любила и иступленно ненавидела. Руки Марка Загорского.

В тот дождливый вечер люди Загорского выпустили в нас с мужем девять пуль, но, к их беде, я выжила. Похоронив воспоминания обо мне, Марк наслаждается новой спокойной жизнью в моем доме. Но ему осталось недолго, ведь я воскресла и вернусь, чтобы забрать свое.

Пролог

Полина

— **З**автра уже будем дома, мой хороший. — Я провожу пальцами по его головке, по мягким светлым волосам на макушке, и мое лицо невольно озаряется счастливой улыбкой.

Младенец сладко причмокивает во сне, и я, любуясь им, думаю о том, что теперь все будет по-другому.

Сын. Мой сын...

Мне до сих пор не верится, что это произошло. Что я уже несколько дней мама. Мама! И рядом со мной на кровати сопит мое самое главное сокровище в жизни. Человек, которому я подарю всю свою любовь.

— Ты такой красивый, — шепчу я ему, — с ума можно сойти.

Мне кажется, что во мне так много чувств, что ими можно затопить целый город. Нет, всю Вселенную. Эмоции переполняют меня и хлещут через край, сердце колотится и вырывается из груди. Я сама — одно большое сердце, легкое, как воздушный шарик, готовое улететь в небеса.

Подношу палец к его ладошке, и малыш инстинктивно обхватывает его во сне. У него маленькие ровные пальчики и тонкие ноготочки. Все хрупкое, точно игрушечное, но он держит меня так крепко, словно боится потерять. И я ощущаю его силу.

Мой сын больше не в моем животе, он здесь — рядом со мной. Но я все еще чувствую, что мы — единое, неделимое целое. У нас на двоих одни мысли, одни чувства, одно дыхание. Он — частичка меня.

— Ты так похож на папу, — хрипло произношу я.

И мои дрожащие ресницы снова застилают слезы. Мне не верится, что природа могла произвести столь совершенное создание. Он великолепен, и мне хочется рыдать от осознания того, что это я смогла подарить ему жизнь.

Вечером в нашу палату стучится медсестра и зовет меня на осмотр.

— Я думала, что утром посмотрят, — говорю я, поднимаясь с кровати и поправляя больничную ночную рубашку.

— Доктор заступила на смену и решила провести осмотр, — бросает на меня уставший взгляд девушка. — Вы же сами просили выписать вас пораньше, разве нет?

— Да-да, — я надеваю тапочки. — А как же... — Смотрю на спящего в прозрачном кювезе Ярослава.

— Он же спит, — глядит на меня как на дурную медик.

— Я так не могу, — признаюсь я.

Все эти ночи у меня не получалось полноценно спать из-за того, что я слушала дыхание сына. Специально прикатила к своей кровати этот кювез и по десять раз за ночь вставала: проверяла его, поправляла валики из пеленок, которые подкладывала ему под спинку, чтобы он удобно лежал на боку.

Я не знала, как называется эта сумасшедшая штука, которую ученые зовут простым словом «инстинкт». Для меня это было какое-то дикое чувство ответственности, важности и зацикленности на человеке, почти на грани безумия: я ни на секунду не хотела отходить от своего дитя.

- Мой желанный враг -

— Да вы же быстро, — пожимает плечами девчонка в белом халате.

Да что она понимает? Молодая еще, сопливая! Я и сама немногим старше, но уже знаю, каково это: выносить ребенка, родить его в муках, а затем ощущать, будто ты пришита к нему невидимыми нитями.

— Может, вы останетесь с ним? — мнусь я, вцепляясь пальцами в край кювеза.

— Господи... — закатывает глаза медсестричка. — Да отнесите вы его в детскую комнату!

— Хорошо, — соглашаюсь я.

Видела я эту детскую комнату. И воспоминания не навевали ничего хорошего. Десятки малышей в прозрачных кювезах, стоящих в ряд у стены. Все туго запеленатые, кричащие наперебой и оставленные без присмотра. Когда я пришла в себя после родов, первым делом встала и, покачиваясь, направилась искать своего сына. Нашла в конце отделения, в этой комнатке, куда посторонним вход воспрещен.

Пришлось долго жать на звонок и слушать, как надрываются младенцы там, за дверью. Мне открыла хмурая женщина в белом халате, спросила, из какой я палаты, велела отправляться обратно и захлопнула дверь прямо перед моим носом. Все, что я успела заметить, — это кровати с новорожденными за стеклом, в конце этой комнаты.

Наверное, мне нужно было позвонить и пожаловаться мужу на здешние порядки, ведь он же платил им деньги за сервис и соответствующее отношение, но, подумав, что все это делается работниками клиники из соображений безопасности, я решила не скандалить.

Тем более что женщина тут же появилась из-за двери — уже с моим Ярославом на руках. Она проводила меня обратно и вручила сына. С тех пор и до этого момента мы с ним не разлучались ни на минуту.

И вот я снова иду в детскую комнату и вручаю медикам своего сына. Уже другая работница деловито подхватывает его и захлопывает передо мной дверь. Я бреду в смотровую, прокручивая в голове все виды опасностей, которые могут грозить Ярославу: от того, что его уронят или застудят, до того, что оставят без присмотра и он срыгнет и подавится.

И откуда только во мне эти мысли? Похоже, я действительно становлюсь сумасшедшей.

— Добрый вечер, Полина. Проходите, — улыбается доктор.

Ее помощница стелет на кресло одноразовую пеленку.

— Здравствуйте, — улыбаюсь я.

Все мои мысли там — с сыном.

— Как себя чувствуете? — интересуется она.

— На удивление, замечательно, — признаюсь я, снимая белье. Устраиваюсь на кресле. — Еще позавчера ощущение было такое, будто по мне проехался танк.

— Так бывает всегда, — смеется она, приступая к осмотру.

Трогает грудь, мнет живот, затем щупает меня изнутри.

— Угу, угу, — бормочет доктор, не обнаружив сгустков или чего-то подозрительного. — Ну, все хорошо. Завтра утром ребенка осмотрит врач, и поедете домой.

Она вежливо улыбается.

— А может, сегодня можно? — спрашиваю я, опуская вниз ноги. — Я бы позвонила мужу... Раз уж все хорошо, как вы сказали.

Врач переглядывается со своей ассистенткой.

— Ну, хорошо, — сдается она. — Только вы должны обещать мне, Полина, что если почувствуете себя плохо, если вдруг поднимется температура или усилится кровотечение, то вы сразу вернетесь сюда.

— Конечно! — радуюсь я.

— И позвоните мне на днях. Как раз придут результаты исследований.

- Мой желанный враг -

Все что угодно, лишь бы не сидеть дольше в четырех стенах.

— Тогда я сейчас запишу для вас свои рекомендации, — говорит женщина, снимая перчатки.

Я уже не слышу ее, все мои мысли рядом с сыном.

Забрав его из детской комнаты, торопливо направляюсь в палату. Кладу кряхтящий комочек в кювез, достаю из-под подушки телефон и спешно набираю мужа.

— Да! — радостно восклицает он.

— Привет, Вик, я так рада, что ты ответил!

Слышно его шумное дыхание. Очевидно, он куда-то идет.

— Я только прилетел, еще в аэропорту. Как вы там?

— Родной, нас отпускают пораньше. Может, заберешь по пути?

— Правда? — едва не задыхается он от счастья.

— Да, я уже собираю сумку, приезжай.

— Уже сажусь в машину, — говорит он. Слышно, как хлопает дверца автомобиля. — Не могу поверить, что мы сейчас увидимся.

Бросаю в сумку свою одежду и косметику. Напоследок оставляю памперсы и средства гигиены для малыша: они пригодятся для последнего переодевания.

— А я не могу поверить, что наконец-то окажусь дома, — выдыхаю я.

Тут хоть и сервис: отдельная палата, питание, телевизор, душ и прочее, но все равно все какое-то чужое, холодное. К тому же я устала, и мне больше не хочется видеть посторонних. Нам с малышом нужен покой.

— Потерпи, любимая, я уже лечу, — обещает Виктор. — Скоро мы будем вместе.

Он знает, как я ненавижу больницы.

— Жду, — говорю я и целую телефон на прощание.

Ярослав, не дожидаясь, пока я закончу сборы, открывает глаза и всхлипывает. Первое же движение собственными ручками и ножками пугает его настолько, что он заходится отчаянным криком.

— Я здесь, сладкий, — умиляюсь я.

Протягиваю руки, беру сына и прижимаю к себе. Он еще совсем кроха, поэтому я помогаю ему найти грудь. Когда малыш начинает сосать, меня вновь захлестывает какое-то необъяснимое чувство. Его запах, его голос, тепло и бархат его кожи — это самое волшебное из всего, что мне раньше приходилось ощущать.

Ярослав ест и, кажется, смотрит на меня. Я понимаю, что в этом возрасте он не может видеть меня четко, но для него сейчас самое главное — быть со мной рядом, ощущать тепло моей кожи, уют и безопасность. Я сажусь на кровать и долго наблюдаю за тем, как он старается. И меня распирает от гордости. Вот он — мой малыш. Мое будущее. Я покажу тебе весь мир, дам защиту от всех невзгод. Я всегда буду рядом, сынок.

Через полчаса я кладу ребенка на столик, меняю подгузник и надеваю на него белое боди с длинным рукавом и милую белую шапочку. Ярлик похож в ней на гномика, и поэтому я улыбаюсь. Заворачиваю его в одеяльце с вышивкой, которое подарила мама, и начинаю ходить из угла в угол, покачивая малыша на руках.

Мы ждем выписку. Для Виктора это простая формальность, бумажка. Если захочет, он заберет меня отсюда без всяких документов, стоит только захотеть. Но я еще не привыкла к тому, что деньги решают все, и мое воспитание не позволяет мне поторопить медработников. Я говорю мужу, что собираюсь, и он упрямо ждет нас в холле.

И вот заветная бумага у меня на руках. Я передаю сына сотруднице клиники, быстро переодеваюсь в брюки

- Мой желанный враг -

и кофту, которые теперь слишком широки мне, и мы вместе выходим из отделения и спускаемся вниз.

Мое сердце колотится как бешеное.

Я ужасно волнуюсь, когда вижу мужа. Он в белой рубашке и строгих брюках — только что из деловой поездки. На его лице проглядывает щетина, а глаза сияют от счастья. В руках огромный букет красных роз. Виктор целует меня, протягивает цветы, и сотрудница клиники торжественно вручает ему сопящий сверток.

Я прижимаю цветы к груди и с волнением наблюдаю за тем, как муж рассматривает нашего сына. На его лице не отражаются эмоции, поэтому меня начинает слегка лихорадить. Кажется, Вик в шоке и ему трудно дышать.

У меня кружится голова, и я прикусываю щеку изнутри, чтобы не потерять равновесия. В этот самый момент супруг поднимает на меня взгляд, полный слез, и дрожащим голосом говорит:

— Он прекрасен. — Трясет головой, снова смотрит на сына и бормочет: — Прекрасен, господи, он — копия ты, Полин.

Я прерывисто выдыхаю и поправляю уголок одеяла с вышивкой. Прислоняюсь к плечу Виктора и закрываю глаза. Теперь мы втроем, и пусть так будет всегда. Больше нам никто не нужен. Я уговорю мужа уехать из этого города, и все останется позади.

— Домой? — спрашивает Вик, целуя меня в макушку.

— Домой, — киваю я.

Охранник открывает перед нами дверь, и мы спешим к большому черному седану, припаркованному прямо у входа. С неба накрапывает дождь.

Через полминуты мы отъезжаем от здания клиники. Ярослав спит в люльке, установленной на заднем сиденье. Рядом мы с Виком, по обе стороны от него. Муж не может оторвать взгляда от сына: сидит, склонившись над ним,

и улыбается, разглядывая его черты. А я медленно погружаю нос в шикарный букет и глубоко вдыхаю аромат роз. Нежные лепестки приятно щекочут лицо.

— Ты все уладил? — спрашиваю я, выныривая из сладкого запаха цветов.

— Кажется, да, — с сомнением отвечает муж. Он тянется и берет меня за руку. — В любом случае я уже сказал Марку, что категорически против сделки с испанцами. Они — опасные люди и могут оставить нас ни с чем. Лучше не рисковать и остаться при своем.

— Когда ты сказал ему? — осторожно интересуюсь я.

Вик поглаживает мою руку:

— Вчера.

— И что он?

Муж нервно рассмеялся:

— Рвал и метал. Он считает меня безумцем, Полин. — Виктор печально усмехается и трясет головой. — Да как обычно. Но мне плевать, что он обо мне думает. Главное — это вы с сыном.

— Марк грезит о богатстве, и он не отступится, — встревоженно говорю я.

— Это наше общее дело, и такие серьезные вопросы решаем мы оба, поэтому Марку придется со мной считаться, — твердо говорит Вик.

— Конечно, — я прячу взгляд.

Мы оба знаем, что Марк не смирится. Он чертов псих, готовый пойти на все, чтобы осуществить задуманное и получить то, что, как он считает, ему принадлежит. А мы для него как кость в горле — единственные, кто мешает единолично управлять капиталами фирмы. И это меня пугает.

— Я все улажу, ты не должна об этом переживать, — успокаивает муж.

Я сжимаю его ладонь.

«Если бы ты только знал, Вик... если бы знал...»

- Мой желанный враг -

В лобовое стекло машины с треском и шумом бьет дождь. Настоящий ливень. Похоже, погода не слишком рада нашему возвращению.

— Ты устала? — скорее утверждает Виктор, чем спрашивает.

— Немного.

— Приедем, и я сделаю тебе ванну. — Его рука перемещается выше и касается моей щеки. Вик гладит мое лицо, и я закрываю глаза. — Спасибо за этот подарок, Полин. Не знаю, чем заслужил его. И тебя.

Мне не хочется размыкать век. Пусть этот момент останется на паузе, мне в нем так хорошо.

Наше молчание прерывает охранник, сидящий на пассажирском сиденье справа от водителя:

— Через минуту будем на месте, Виктор Андреевич!

— Отлично, — отвечает муж, пытаясь рассмотреть хоть что-то за темными стеклами автомобиля.

В эту секунду мои мысли переносятся к детской комнате, которую я оформляла для Ярослава собственными руками. Я представляю, как положу его в кроватку цвета слоновой кости, сяду рядом и буду любоваться тем, как сладко он спит.

— Что это? — успевает произнести водитель, вглядываясь в темное пятно на дороге. И тут же мы слышим какой-то странный глухой звук.

«Тыц, тыц».

Все происходит слишком быстро, поэтому я не успеваю понять, что это было. Перед глазами проносится картина: водителя словно пришивает чем-то к креслу. Он дергается и падает головой на руль. Автомобиль начинает швырять по дороге, затем заносит в сторону обочины, туда, где обрыв, несколько раз переворачивает, а потом... наступает тишина.

Это происходит в считанные секунды, но перед глазами

проносится вся моя жизнь. Я инстинктивно вцепляюсь в люльку, но машину швыряет и дважды переворачивает. Уши закладывает криком, и я не сразу понимаю, что это мой собственный голос. Я кричу.

Наконец автомобиль замирает в каком-то странном положении: нас шатает, будто мы на корабле. Я не чувствую боли, ведь все мое внимание приковано к ребенку: тот сучит ножками и заходится в истошном крике.

— Оставайтесь в машине! — кричит нам охранник.

Он достает оружие, открывает дверцу и с трудом выбирается наружу.

— Как вы? — ощупывает нас Вик.

— Помогите достать его, — бормочу я. Мои пальцы дрожат. — Я хочу взять его на руки.

Тянусь к Ярославу, и в этот момент снова слышу с улицы эти странные звуки. Глухие, отрывистые. Звуки выстрелов. Мое сознание подсказывает, что нужно бежать. За рулем — мертвый водитель в неестественной позе, на лобовом стекле — следы от пуль, там, рядом с машиной, кто-то стреляет... «Он пришел убить нас, как и обещал!» — наконец понимаю я.

Автомобиль накрывается сильнее, но Вик уверенно говорит:

— Все будет хорошо.

И в этот момент я понимаю, что хорошо уже ничего не будет. Потому что дверь с его стороны открывается, и снова раздаются эти хлопки. Тупое черное рыло пистолета выплевывает в моего мужа три пули: две в сердце, одну в лоб. Даже умирая, Вик пытается закрыть нас своим телом. Но я уже чувствую это: один удар приходится мне в грудь, он с силой гвоздит меня к сиденью, и второй — в лицо, я пытаюсь отвернуться, но меня все равно обдаёт жаром — будто языки пламени лижут лицо.

На какое-то мгновение все звуки стихают, и я слышу только звук прибой. У меня не получается пошевелиться,

- Мой желанный враг -

не получается вдохнуть воздуха. Сквозь склеенные кровью ресницы я еще вижу, как удаляется от машины темная фигура, слышу крик собственного ребенка и ощущаю запахи роз, рассыпанных по сиденью. Что-то горячее и липкое течет по моему лицу, а в груди теснится адская боль, и почему-то не слышатся конечности.

Не понимаю, сколько проходит времени: пара секунд или пара минут, но голоса снаружи вдруг становятся громче, слышится мат. Я заставляю себя пошевелиться, мне нужно взять сына и бежать, пока они не вернулись добить меня, но у меня ничего не получается. Автомобиль скрипит, накрываясь еще сильнее, и мне становится очень страшно.

«Ну же, давай, давай, Полина, вставай!»

— Я сам! — раздается до боли знакомый голос.

И я вижу его руки. Сильные, красивые, которые еще недавно сводили меня с ума.

«Нет, пожалуйста, нет! Не забирай его!» — кричит мое сознание.

Но они подхватывают младенца и вытаскивают из салона автомобиля. Я слышу, как Марк уходит, раздавая указания своим людям, и крик Ярослава удаляется вместе с ним.

Меня разрывает на части от боли, и я из последних сил нащупываю ручку двери. Тяну, и, кажется, дверца поддается. Но в этот момент машина со страшным грохотом срывается вниз, в обрыв. Я лечу вместе с ней, но каким-то образом меня все-таки вышвыривает наружу. Я цепляюсь за сук бедром, ударяюсь головой, плечом и падаю на мокрую землю.

Дождь уже почти прекратился, но грохот падающей машины — нет. Последний яростный толчок, как скрежет консервной банки. Бах! И тишину вечернего леса разрывает мощный взрыв. Небо озаряют всполохи огня. Я вижу только их сквозь пелену кровавой маски на моем лице.

- Лена Сокол -

Где-то над головой слышатся голоса подручных Марка. Наверное, он сейчас доволен тем, что избавился от нас. Внизу догорает автомобиль. Я лежу на спине и чувствую, как редкие капли дождя ударяются о мое лицо. Медленно закрываю веки. Это все.

Не знаю, сколько точно проходит времени, прежде чем чьи-то руки подхватывают меня и отрывают от земли.

Полина

— Если бы не я, ты бы давно уехала в столицу, — печально произнесла мать.

— На что мне твоя столица, мам? — стараясь держаться бодро, улыбнулась я. Поправила ее подушку и подоткнула одеяло. — Чего я там не видела?

— Там хоть работа есть, а что у нас? Утки за лежачими выносить? Трусами на рынке торговать? Или в «Пятерочку» кассиром пойдешь? Сама знаешь, что с твоим образованием это унизительно. Как дорогую вазу поставить среди стеклотары!

— Ничего унизительного. Работа как работа, — отмахнулась я. — Главное, платят. — Взяла пару таблеток из блистера и подала матери вместе со стаканом воды. — К тому же Нинка меня обещала в гостиницу устроить. Горничной, помнишь?

— Грязь за командированными выметать? — скривилась мама. — Я всегда желала тебе лучшей доли, Полина. Думала, поедешь в столицу, устроишься дизайнером, будешь богачам дома обустройства. Вдруг один из них на тебя глаз положит да замуж позовет? Смотри, какая ты у меня красивая! Ни чета нашим провинциальным курицам. Стройная, красивая, волосы до задницы, а умная какая!

— Перестань, мам.

— А я теперь все время себя виню, что заболела.

— И вовсе ты не виновата. — Я поставила стакан на столик. — Никто не виноват в том, что к нему приходит болезнь. Ты почти двадцать лет на вредном производстве пахала, мам. Ты этим асбестом дышала, как воздухом, поэтому и заработала себе рак легких. И никто не хочет сейчас за это отвечать. Ну и что, что они молоко тебе за вредность давали! Кому сейчас нужно это молоко? — Я села на край кровати и взяла ее за руку. — Я просто не хочу тебя потерять, мам. Слышишь? Мы будем бороться. До последнего бороться, мам! И не сдадимся. — Я погладила ее сухую ладонь. — И я все это время буду рядом. Не надо мне никаких столиц.

— Он все равно сожрет меня, Полин. Этот рак. Он уже жрет меня, дочь. Ты ведь слышала, что доктор сказал?

— Мне все равно, что он сказал, — отрезала я. — Если есть хоть крошечный шанс, значит, мы должны верить в него.

Я многое утаивала от мамы. И то, что не пошла в магазин «Пятерочка» работать из-за того, что толстяк-директор на собеседовании сначала делал мне недвусмысленные намеки, а потом и вовсе схватил за задницу и прижал к стене. В нашем захолустье каждая дура мечтала о должности менеджера или кассира в этой конторе, и, судя по всему, бедные девочки соглашались на все, чтобы попасть туда, раз он так себя вел.

Этот бессовестный толстяк сыпал проклятьями мне в спину, когда я убегала, расцарапав ему лицо. А потом были и другие попытки устроиться в заведения города, и снова приставания, снова наглые прикосновения и грязные намеки.

Тогда я просто пошла мыть полы в больницу. Ночью тихо выходила из дома, чтобы мать не волновалась, и шла пешком в инфекционку. Возвращалась домой к пяти утра, ложилась и немного спала, затем вставала и бежала в худо-

- Мой желанный враг -

жественную школу, там я преподавала у младших классов. Платили за это сущие копейки, поэтому в свободное время мне приходилось снова искать работу или ухаживать за мамой: я возила ее на автобусе или такси в райцентр, водила под ручку на процедуры или химию, а когда ее клали в стационар, мне приходилось бросать все и оставаться там с ней.

Заработанных денег и маминой пенсии едва хватало на лекарства, поэтому я донашивала свое старое школьное пальто, регулярно штопала единственные колготки и стыдливо прикрывала в общественном транспорте руками потертую сумку, которая служила мне вот уже седьмой год.

Поэтому, когда Нина предложила устроить меня в единственную приличную в городе гостиницу, я ужасно обрадовалась. С такой зарплатой мне, возможно, даже дали бы кредит, и мы с мамой продержались бы еще чуть-чуть.

— Нужно что-то сделать с твоими волосами, — оценивающе оглядела меня Нинка перед первой сменой.

— А что с ними не так? — удивилась я.

— Их слишком много.

— Заплести косу?

— Господи, — закатила Нина глаза. — И откуда ты только такая взялась? Кто в наше время носит волосы до задницы и плетет косы? Нужно современнее быть! Хорошо хоть тут форму дают, иначе никто не пустил бы тебя на смену в твоем линялом платье, бабкиной кофте и с этой дешманской помадой с рынка! Таким раритетом только моя бабушка восьмидесяти лет подкрашивается!

— Это просто... блеск... — я прикоснулась к губам.

— И волосы я бы тебе советовала обрезать.

— Нет! — испугалась я, теребя свои локоны. — Лучше я их заколю шпилькой на затылке.

— Блин, Полька, ну не знаю я, что мне с тобой делать. Научить-то я тебя всему научу, но выглядишь ты... как деревня!

— Вовсе нет, — рассердилась я.

— Как целка деревенская выглядишь! А сюда знаешь какие мужики приезжают? И директора заводов, и областные начальники — все у нас останавливаются. А если кто из них тебе дополнительно предложит подзаработать? Хотя о чем я... — Она еще раз оглядела меня с головы до ног.

— Что значит «дополнительно»? — уставилась на нее я.

Нинка рассмеялась.

— Официально это, конечно, запрещено. — Она выкатила грудь колесом. — Но если мужчина красивый да деньги неплохие, то почему бы и нет?

Я покраснела, точно спелая помидорина.

— Нет... я на такое точно не согласна.

— Полька, ты что, того? — Нина тряхнула меня за плечи. — Ни с кем еще никогда?

— Нет, — честно призналась я. — Никогда.

— А как же Вовчик? Он же твой портфель с пятого класса таскал! И на выпускном с тобой так вальсировал, так вальсировал, что я думала, вы увальсировали в ту ночь к нему домой и... — она подмигнула.

— Ничего такого не было, — возмутилась я.

— Но вы же с ним встречались?

— Да.

— И почему расстались?

— Просто мы... слишком разные, — коротко ответила я, решив умолчать о том, что преданный и верный Вовчик не стал дожидаться, когда я созрею до интимных отношений. Он переспал со всеми моими одноклассницами, начиная с Тоньки, к которой пришел, проведив меня с выпускного, и заканчивая Тамаркой, с которой мы вместе

- Мой желанный враг -

учились в вузе и сидели за одной партой. Именно с ней я и застала его, когда прибежала поделиться известием о том, что у мамы нашли рак.

— Ладно, убирай свою косу, надевай форму и будем учиться застилать постели, — приказала Нинка.

И мы с ней весь день упражнялись в уборке номеров, изучали инструкции и стандарты, учились чистить туалеты и комплектовать номера полотенцами и предметами личной гигиены.

— В ночную смену останешься? — спросила Нина, когда мы закончили.

— А можно сбежать домой на пару часов?

— Ну, беги.

Я попыталась накормить маму, но у той, как обычно, не было аппетита, помогла ей помыться, дала лекарства, уложила обратно в постель, а затем снова побежала в гостиницу.

— Держи, — Нинка, как-то странно хихикая, вручила мне ключ и тележку с инвентарем, — приберись в шестьдесят восьмом, оттуда как раз только что выехали.

— Хорошо, — согласилась я. — Там сейчас никого?

— Никого, — кивнула она.

— Ты проконтролируешь результат?

— Да, — заверила девушка. — Зови меня сразу, как закончишь.

И я направилась в номер.

Открыла дверь ключом, вкатила тележку, вошла и закрыла дверь. Напевая себе под нос старую песенку, я прошла в глубь помещения и оглядела фронт работ. Смятая постель, разбросанные вещи, запах табачного дыма. Разве Нина не говорила, что постоялец съехал?

И в этот самый момент где-то справа от меня послышались шаги. Я обернулась и потеряла дар речи. Постоялец не только не съехал, он был в номере и, очевидно, только

что принял душ — потому что стоял передо мной абсолютно голый, с взъерошенными волосами и стекающими по смуглой коже каплями воды.

Конечно, я видела раньше голых мужчин. Ну... в фильмах. Но чтобы так близко... и так подробно — никогда. Конечно же, я закричала!

-2-

Полина

— Девушка! — Он потянул ко мне руки.

Я попятилась назад, налетела на тележку и повалилась на пол.

— Девушка, позвольте вам помочь. — Незнакомец, очевидно, забыл о своей наготе, потому что подошел слишком близко, и перед моими глазами замаячило то, что я раньше видела лишь мельком, и то по телевизору.

— А-а-а! Не приближайтесь ко мне! — зажмурилась я.

И вслепую поползла в сторону двери.

— Девушка!

Но я уже успела подняться на ноги и пулей выскочила в коридор.

Мои щеки пылали, а сердце стучало, точно молот по наковальне. Не помню, как добежала до прачечной и влетела внутрь.

— Что такое? — усмехнулась Нина, бросая в корзину белье.

— Нина, там! Там! — задыхалась я. — Ты это специально, да?

— Ты что, черта лысого увидала? — Подруга подошла ближе и ухватила меня за плечи.

У меня никак не получалось отдышаться.

- Мой желанный враг -

— Хуже! — Я закрыла ладонями горящие щеки. — Тот мужчина! Он! Я видела его... ну... прибор...

Нинка расхохоталась.

— Ой, а я тебе еще не верила! — сгибаясь пополам от смеха, похрюкивала она. — Думала, цену себе набиваешь, а ты реально члена живого никогда в глаза не видала!

— Как смешно. — Я гордо вздернула подбородок и отвернулась. — Значит, ты специально меня к нему послала? Посмеяться хотела?

— Да я не поэтому. — Нина подошла и погладила меня по плечу. — Этот мужик — какой-то предприниматель столичный. Девочки слышали, что он приехал важную сделку заключать. Сказали, что, как ни улыбались ему, на них даже не взглянул. Я подумала, а вдруг ты ему приглянешься?

— Нин, — обернулась я, — да я даже лица его не помню! У меня перед глазами только этот его... стоит.

— Он что, тебя прямо голый встретил?

— Да! Он, видно, только из душа вышел, а тут я со своей телегой!

— М-да, — покачала головой Нинка. — Ох и везучая ты, Полинка!

— Везучая?

— Ну да. На такого мужика нарваться, да еще рассмотреть его с самой лучшей стороны!

— Да я чуть не ослепла! — принялась я обмахиваться ладонями.

— Скажи лучше, какой он там? — не отставала Нинка. — Большой? Хотя о чем это я? Ты же совсем в этом деле не разбираешься. А пора бы. Некоторые в твоём возрасте такой опыт имеют, что мне и не снилось! Мужчинам ведь как надо — чтобы женщина в постели тигрицей была!

— Нин, ты это, — мне хотелось закрыть уши, чтобы не слышать ее, — сходи лучше туда сама, а? Надо бы тележку мою вернуть.

— А вот и схожу! — Она выпятила грудь, расправила плечи. — И схожу! И если он и мне чего покажет, то я уж не растеряюсь.

Нина ушла, а я отвернулась к окну. Мне не хотелось даже думать о том, что бы делала Ниночка, окажись она на моем месте. И что значило «не растеряться», я уж точно не хотела знать.

А когда она вернулась, я не стала даже спрашивать, как отреагировал мужчина на ее приход. Настолько мне было стыдно.

Я почти забыла про этот случай и не думала, что когда-то еще встречу этого мужчину, но судьба приготовила мне сюрприз. Прошло две недели. Утро выдалось неприятно промозглым. Я вышла из гостиницы, плотнее укуталась в тоненький плащ и торопливо направилась к остановке. Мне не хотелось пропустить свой автобус. Если маме станет хуже и если она не дай бог снова начнет задыхаться, то рядом обязательно должен быть кто-то, кто сможет оказать первую помощь или вызвать «Скорую».

— Девушка!

Эти знакомые слова неожиданно резанули слух.

Я втянула голову в плечи и продолжила идти вдоль улицы.

— Девушка! — Справа слышалось мерное рычание мотора и шелест шин. — Я к вам обращаюсь! Какая же вы пугливая...

Я не намеревалась замедлять шаг, поэтому автомобиль ускорился и затормозил передо мной у тротуара. Из него вышел тот самый постоялец, но в одежде я бы вряд ли его узнала, если бы не голос. Белая рубашка, темно-синий костюм, стильные часы на кожаном ремешке и до блеска начищенные туфли.

- Мой желанный враг -

— Девушка, постойте! Не нужно убегать от меня.

Я замерла, осторожно подняв на него взгляд.

Он улыбался. И улыбка у него была обезоруживающая: красивые белые зубы, едва заметные ямочки на щеках и волнующие чертенья в темно-синих глазах. Эдакий миллионер с обложки модного журнала. От него за километр пахло деньгами и роскошью, а подобных людей я всегда побаивалась. Для них такие, как мы, — люди третьего сорта.

Даже редкие прохожие поглядывали на нас с нескрываемым интересом.

— Что вам нужно? — ошетичилась я.

— Мне? — Он еще раз обворожительно улыбнулся. — Самую малость — довезти вас, куда скажете.

— Обойдусь, — буркнула я.

— Но ведь так нечестно, — рассмеялся он.

— Почему это?

Он сделал шаг навстречу, и мои пальцы машинально вцепились в сумочку.

— Потому что благодаря предыдущей нашей встрече вы знаете обо мне слишком много, а я о вас — ничего, — усмехнулся мужчина.

— Если вы хотите, чтобы я извинилась за то, что ворвалась к вам, то... извините, — нервничая, проговорила я.

И ощутила, как мое лицо вновь налилось краской.

— Хорошо. — Он склонил голову, рассматривая меня. — Только я настаиваю, что в качестве извинения вы должны прокатиться со мной на машине.

— Я не езжу с незнакомцами! — бросила я, обошла его и припустила к остановке.

— Но вы не дали мне ни единого шанса! — не отставал мужчина.

— Я вас не знаю.

— Разве это проблема? Сейчас я расскажу о себе все!

И он рассказал. О том, что его зовут Виктор и что он на шесть лет старше меня. Что его родители умерли и что у него бизнес в столице. Что он ушел из футбола из-за травмы, но ежедневно бегаёт по утрам, и что не пьёт, но курит. И что давно пытается избавиться от этой дурной привычки.

Не знаю почему, но я согласилась поехать с ним. Просто мы разговорились, а тут подъехал автобус. Лязгнули двери, заскрежетал старый двигатель, нас обдало дорожной пылью, но мужчина продолжал рассказывать и рассказывать о своем доме, в который не может войти после смерти родителей, и мне не хотелось его прерывать.

А потом мы пошли к его машине, и все сворачивали шеи, глядя на нас. Городской фронт и деревенская дура. Богач и колхозница. Любимец фортуны и голодная, вечно уставшая, работающая круглыми сутками Золушка. Мне даже неловко было садиться в его автомобиль: внутри пахло дорогой кожей и парфюмом, а от меня несло дешевым мылом и нищенским шампунем.

— Я приехал, чтобы купить ваш завод, — признался он, остановив машину возле нашего дома.

Виктор наклонился к лобовому стеклу и взглянул на покосившийся многоквартирный барак. Он явно был шокирован, но старался не подавать вида.

— Моя мать проработала на этом заводе большую часть своей жизни, — сказала я, стыдливо прикрывая сумкой протертые коленки. — И... она заболела раком из-за асбеста, который вдыхала там каждый день, год за годом.

— Ну, и закрою его на хер! — серьезно сказал мужчина, глядя мне прямо в глаза. — Переоборудую и буду делать там... да хотя бы йогурты!

Я улыбнулась, и он добавил:

— Мне очень жаль. Насчет мамы.

— Ничего. Она держится, — сказала я. — Нам обещали квоту на операцию, нужно только дождаться.

- Мой желанный враг -

— Ясно, — кивнул он, сканируя взглядом мои несексуальные и изрядно поношенные шмотки.

— Ладно, мне пора, — не выдержала я этого унижения.

— Постой. — Виктор коснулся моего локтя, и я вздрогнула. — Я могу тебя увидеть... еще когда-нибудь?

— Не стоит, — бросила я, выскочила из его шикарного автомобиля и помчалась в дом.

Я надеялась, что больше никогда не увижу его, но ошиблась. Прошло еще две недели, я уже и забыла о той поездке в дорогой красной иномарке, названия которой даже не знала, когда снова увидела Его. Виктор встретил меня после смены. Охапка белых роз, фирменная улыбка и снова этот автомобиль.

— Я сучал, — сказал он, вручая цветы. — Привет, Полина.

А я привычно покраснела:

— Здравствуйте...

— Прокатимся по городу? Покажешь мне местные достопримечательности?

Он, верно, шутил. Какие у нас достопримечательности? Серая промзона, грязный пруд и выбоины на узких дорогах? Кажется, богач надо мной издевался.

— Я не могу, — призналась я. — Мне домой надо, меня мама ждет.

— Хорошо, тогда я отвезу тебя домой. — Виктор открыл мне дверцу своего автомобиля.

Я села и зарылась лицом в букет. Никто еще не дарил мне цветов.

— А когда мы можем встретиться? — спросил он, сев на водительское сиденье и обхватив сильными руками руль. — Завтра у тебя будет время?

— Только часик. В обеденный перерыв.

— Целый час! Да я безумно счастлив! — улыбнулся Виктор. — Тогда пообедаем вместе.

— Х-хорошо. — Подумав о неуместности такого обеда, я потупила взор.

Кажется, он прочел тогда мои мысли, потому что на следующее утро мне прямо в гостиницу доставили большую коробку с логотипом модного бренда.

— Что там? Открывай скорее! — запрыгала Нина.

Я потянула за ленту и несмело открыла крышку.

Внутри лежало роскошное платье жемчужного цвета, ажурные чулки и сказочной красоты светлые туфельки.

— Ох и счастливая ты, Польша! — ахнула Ниночка, доставая из коробки наряды. — Гляди, какая шикардятина! У нас таких вещей не купить! Это он тебе из столицы привез!

Она примеряла к себе платье, кружилась у зеркала, закатывала глаза и пела, а я стояла и смотрела на записку с приглашением в единственный приличный ресторан нашего города и не знала, как мне поступить.

— Я такое никогда не надену, — решительно сказала я. — И никогда не пойду с ним никуда.

— Но почему? — вцепилась в меня Нинка. — Почему? Такой шикарный мужик! Да любая дурочка удавилась бы за возможность сходить с ним куда-нибудь!

— В том-то и дело, что дурочка, — отрезала я. — Он словно... покупает меня! А я не хочу быть ему ничем обязанной, понимаешь? Я не верю, что все это просто потому, что я ему нравлюсь.

— Ну и что с того, что он хочет тебя? Разве это плохо? — удивилась подруга. — Выжми из него, сколько сможешь, делов-то!

— Нет уж, Нин, такое не для меня. — Я сложила руки на груди.

— Какое «такое»? — закатила она глаза. Швырнула платье на диван и развернула меня к себе: — Он тебе что, не нравится?

- Мой желанный враг -

— Нравится.

— Тогда в чем дело? Сходи ты с ним в этот ресторан! Пусть наши девки все ахнут! Пусть упадут от зависти! Сходи, закажи самых дорогих блюд, поешь от пуза, зато будет что внукам потом рассказывать!

И я поддалась ее уговорам. Надела чулки, туфли и платье, от красоты которого у меня перехватывало дух. Позволила Нине нанести мне легкий макияж, распустила волосы и вышла к нему при полном параде.

Единственное, что заставляло нервничать, — это то, что подруга не позволила мне взять с собой старую сумку, а без нее мне не во что было вцепиться от страха, поэтому я нервно мяла пальцами пояс платья, когда Виктор открыл мне дверцу машины и помог сесть.

Когда я садилась в его автомобиль, все сотрудницы гостиницы прилипли к окнам, чтобы увидеть это. Мне хотелось сгореть со стыда от неловкости. Весь обед я краснела, бледнела, шарахалась от заботливых работников ресторана, от цен в меню и от подарков, которые так и норовил сунуть мне Виктор при каждом удобном случае.

Духи, конфеты, еще какие-то коробочки. У меня от всего этого кружилась голова. Хотелось встать и сбежать, но тут он вдруг сказал:

— Я договорился с лучшим хирургом страны. Мы везем твою маму в столицу. — Видимо, я слишком часто моргала, потому что он повторил: — В столицу. Ты слышишь меня, Полин?

Я смотрела на него и видела лишь искренность, но не могла не спросить:

— А что за это?

— Не понял, — нахмурился он.

— Что я должна буду тебе за это? — проговорила я, стараясь удержать равновесие.

Виктор добродушно улыбнулся:

— А за это ты перестанешь озираться по сторонам и бояться меня.

— Я серьезно.

— Я тоже серьезно, Полин. Я просто хочу помочь. — Он потянулся и взял меня за руку. — Сегодня нужно собрать вещи и документы, завтра мы перевозим твою мать в самую современную клинику.

И вот тут я чуть не разрыдалась.

А потом был переезд, многочисленные исследования, анализы, снова анализы и процедуры. Я жила с мамой в одной палате, ухаживала, старалась ее все время как-то ободрить. Мы с ней понимали, что шансов почти нет, но хватались даже за эту призрачную надежду.

Но после дополнительных исследований вдруг стало ясно: рак неоперабельный, и прогноз, данный врачами, был совсем неутешителен.

— Мам, ты поспи, — я накрыла ее одеялом и поцеловала в лоб, — тебе нужно отдохнуть.

— Ты к Вите?

— Да, спущусь, он приехал. — Я пожалала плечами: — Погуляем по больничному парку, поболтаем.

— Правильно, развейся. Парень он хороший, тебе подходит, — вымученно улыбнулась она.

— Я ему не пара, мам. — Я качнула головой. — Ты же понимаешь.

— Это еще почему? Что значит «не пара»? — из последних сил нахмурилась она.

— Да я ведь нищая...

— Ерунда. Ты у меня красавица и умница, ясно? Он себе такую жену здесь, в столице, не найдет. И даром, что ли, он тебе помогает? Просто так за тобой как привязанный ходит? Нравишься ты ему, Полина, сильно нравишься.

- Мой желанный враг -

— И что с того?

— А он тебе нравится?

Конечно, того, о чем пишут в книгах, я к Виктору не ощущала, но нам было интересно вместе. Да и темы для разговоров у нас никогда не заканчивались.

— Нравится, — кивнула я.

— Вот и хорошо. — Мать сжала мою ладонь: — Родственников у него нет, а значит, свекровь пилить не будет. Парень он хороший, да еще и с деньгами, а стало быть, с ним ты не пропадешь и не придется больше заплатки на колготки ставить.

— Мам...

— Вот умру я, и куда ты? Вернешься обратно? И что ты там будешь одна делать в этом бараке? А Виктор — это твоя перспектива. Такого мужчину нужно крепко держать, никому не отдавать.

— Мам, ты чего? Какой «умру»?

— Пообещай мне. — Она крепко сжала мою ладонь: — Пообещай, дочь, что не вернешься обратно, что останешься с ним!

— Мам, тебе еще жить да жить. Сколько бог отмерил, все — твое. Плохо вот так заранее о смерти говорить.

— Держись за него, Полина, он — твой счастливый билет, поняла? — не отставала она.

— Поняла, — согласилась я.

Мама умерла через месяц.

В последние дни она была совсем плоха, самостоятельно уже не дышала. Но всякий раз, когда я смотрела ей в глаза, я видела там беспокойство за мою судьбу, и это меня печалило.

Пришлось вернуться в родной городишко, чтобы похоронить ее. Отпевание, скромный крест на могилке, венок с лентой, искусственные цветы — вот и все, на что хвати-

ло оставшихся денег. У Виктора я принципиально ничего не брала.

Он пришел на кладбище, сел со мной рядом на скамейку и обнял за плечи. И только в этот момент я дала волю слезам. У меня ведь реально, кроме него, больше никого и не осталось. И ничто не держало меня больше в этом городе.

— Поживешь в моем доме? — тихо спросил Вик.

— В твоём доме?

— Да.

— Нет. Мне лучше снять себе квартиру и начать искать работу, — всхлипнула я.

— Считай, что я нанимаю тебя дизайнером. Обставишь мой дом на свой вкус, все там переделаешь. Бюджет не ограничен. Как тебе?

— Звучит заманчиво, — прошептала я и вдруг заметила, как он дрожит.

Повернулась и наткнулась на его взгляд. Восторженный, просящий, несмелый. И именно в этот момент поняла, что этот мужчина сделает для меня все, что попрошу.

— Хорошо, — сказала я.

И он меня поцеловал.

А я ответила. Неумело, пылко, крайне неуклюже. Но, кажется, ему понравилось. И я вдруг ощутила, что мне теперь есть за кого держаться в этой жизни.

И в этот момент у него в кармане зазвонил телефон.

— Прости, — сказал Вик, поглаживая мою щеку большим пальцем. Он достал телефон, взглянул на экран. — Нужно ответить, это мой лучший друг. Марк.

Я кивнула.

Откуда мне тогда было знать, что именно этого звонящего мне очень скоро предстоит опасаться? Что именно этому человеку суждено будет раскромсать мою душу, изорвать ее в клочья...

Марк

— Ты можешь не спорить? — рявкнул я в трубку, не в силах больше выслушивать тот бред, который он мне пытался втирать. — Мать твою, Витя, да что с тобой в последнее время?! Мы же договаривались!

— Я все понимаю, но я сейчас с Полиной. Мне нужно показать ей дом.

— Какой дом, придурок? Ты вконец рехнулся? — Я сел и отдернул руку, за которую держалась пьяная стриптизерша. — У нас с тобой вроде до хера важных вопросов, которые нужно обсудить, а ты со своими шмарами по городу рассекаешь?

— Она не... черт, Марк... — Друг понизил голос до шепота: — Хорошо, сейчас мы подъедем, но ненадолго.

— Жду, — бросил я и скинул звонок.

Убрал телефон, вытянул ноги и затаился терпким табачным дымом. Стриптизерша выгнулась, потянулась ко мне, что-то мурлыча под нос, но я грубо оттолкнул ее:

— Вали!

— Что? — она округлила глаза, мгновенно, кажется, протрезвев.

Наверняка надеялась на продолжение после частного танца.

— Убирайся прочь! Пошла! — отмахнулся я, бросив ей пару купюр.

Девушка схватила их, спрятала в декольте и поспешила убраться, пока я не вышел из себя.

Поведение Вика в последнее время не на шутку бесило меня. Неужели он размяк от чар очередной девушки? На него это было очень не похоже.

Он теперь то исчезал куда-то надолго, то часами не брал трубки, то пытался внушить мне, что мы с ним с какого-то хрена должны переориентировать производство на новом объекте! И все из-за какой-то его новой бабы!

Да таких, как эта Полина, у него были сотни: каждый день новая, но стоило появиться этой, как Вика словно подменили. И это жутко меня напрягало.

Мне вдруг стало казаться, что я совсем не знаю его, хотя мы с Воскресенским дружили еще с детства и потому всецело друг другу доверяли.

Когда мы познакомились, я был чертовым голодранцем.

Хотя моя семья жила не лучше и не хуже остальных, но звезд с неба мы не хватали. Простенькая двушка в спальном районе, мать-учительница и отец — бывший боксер, а ныне спивающийся мерзкий алкоголик, оттачивающий на нас давно подзабытые приемчики.

Я все время старался угодить ему: исправно упражнялся в боевых искусствах, демонстрируя все новые и новые навыки, таскал пятерки из школы, ни в чем не перечил, но этому сукину сыну все было мало. Стоило ему выпить, и в доме начинался ад. Он жестоко избивал мать, затем избивал меня. За что? Да за то, что я пытался за нее вступиться. А затем он запирал нас в дальней комнате и приводил в наш дом всех шлюх с округи.

Мать все слышала и все понимала, но старательно прятала слезы и делала вид, что занята своими делами. Она гладила белье, вязала, шила, читала — делала все что угодно, чтобы просто не сидеть и не слушать, как из соседней комнаты доносятся пьяные выкрики, смех, звон посуды и противные, бесстыдные шлепки и стоны.

Отец трахал своих собутыльниц прямо на супружеской кровати или завалив на кухонный стол. Те громко охали

- Мой желанный враг -

и смеялись, а он даже не вынимал сигареты изо рта, лишь приспускал штаны, наваливался сверху или сзади и наяривал.

Я видел в замочную скважину, как двигается его дряблый зад и как колышутся груди его подружек, и ненавидел его еще сильнее.

Но больше всего я ненавидел мать. Бессловесную, покорную тряпку, которая позволяла ему вытирать о себя ноги. Мать, которая добровольно терпела все эти мерзости и унижения. Мать, которая стыдливо прятала взгляд, выходя из дома, когда соседи шептались ей вслед.

Все об этом знали. Весь район.

Прошло еще немного времени, и об этом стали говорить в школе.

К тому времени я больше не сидел под дверью каждый раз, когда дома случались пьяные оргии. Отец запирал нас в комнате, а я выпрыгивал в окно и не возвращался домой всю ночь. Мать по-прежнему печально прятала свои синяки и слезы, а мне все меньше хотелось возвращаться домой.

— Ты полное ничтожество, — презрительно оглядев меня, бросил отец, когда я вернулся из школы побитым.

Мне в тот день пришлось избить всех, кто говорил гадости о моей матери, но он, конечно, не мог знать этого. Все, что его интересовало, — это его собственное удовольствие, старые местные шлюхи и бухло, запахом которого пропитался буквально весь наш дом.

И я не стал отвечать ему ни слова.

Набросился, как молодой лев накидывается на старого вожака, и, не помня себя, стал молотить кулаками: в лицо, в грудь, в живот. Я знал, что этот урод пропил все свои навыки и не сможет ответить мне достойно, поэтому вкладывал в каждый удар всю свою ярость, всю боль и всю ненависть.

Очнулся я в тот момент, когда тишину комнаты прорезал вой матери. Она бросилась на него, стала обнимать, целовать. Она гладила его лицо и умоляла очнуться. Отец лежал в луже собственной крови, беспомощно закатив глаза, а мать, скривившись от злости, осыпала меня проклятиями и приказывала убраться прочь.

Меня трясло: от адреналина, от боли, от привкуса крови на зубах. Мне хотелось добивать его ногами, рвать на части, втапывать в пол, но ее слова... они отняли у меня последние силы.

Я просто развернулся и ушел из дома. Навсегда.

Тогда-то мы и познакомились с Виком. Мне негде было ночевать, и я шатался по улицам от одной тусовки и пьяной компании до другой. Зарулил в темный переулок и вдруг увидел, как трое отморозков прессуют какого-то тощего хлыща, который вышел из клуба, чтобы отлить. Попытался заступиться за него. Зачем? Сам не знаю. Помню лишь, как сказал им что-то дерзкое, и тут же завязалась драка. Воскресенский хоть и был богатеньким дрищем, но дрался отчаянно и не боясь запачкать свой выглаженный забавный костюмчик.

В тот день нам нехило навалили, но мы получили больше — дружбу, которая связала нас навсегда.

Вик договорился с родителями, и мне разрешили пожить в их доме, пока я полгода доучивался в школе. Это был большой загородный особняк, окруженный раскидистыми яблонями. Семья Вика была состоятельной и дружной: семейные обеды и ужины, веселые праздники в тесном кругу — все то, что было ненормальным для меня, мальчишки, выросшего в атмосфере звона пустой стеклотары, запаха перегара и отборных тумачков, сыплющихся на него минимум дважды в неделю.

С матерью мы, конечно, встречались потом — в школе. Она подходила ко мне после уроков и уговаривала, что-

- Мой желанный враг -

бы я вернулся и извинился перед отцом. Я смотрел на нее с жалостью и не понимал, что такое сильное может удерживать ее рядом с этим чудовищем все эти годы?

А потом я сам стал чудовищем.

Когда родители Вика погибли в автокатастрофе, мы с ним решили объединить наши усилия. Он вложил в наше общее дело все свое наследство, а я вложил в него свои мозги и кулаки.

Воскресенский занимался бумагами и официальными каналами продвижения нашего бизнеса, а я в это время безжалостно и кроваво расправлялся с конкурентами и всеми теми, кто осмеливался встать у нас на пути.

Вик был прагматичным и тяжелым на подъем, а я постоянно фонтанировал идеями и вынуждал его рисковать. Сделки с опасными партнерами давали нам новые возможности для развития бизнеса, и капиталы нашей фирмы приумножались.

Прошло всего несколько лет, и мы так тесно переплелись в общем деле, что стало неважно, чьи деньги однажды дали нам возможность для старта. Вик прекрасно осознал, что без меня он никогда бы не достиг подобных высот.

Мы стали братьями, не по крови, но по духу. Мы проросли друг в друга и оттого доверяли друг другу практически безгранично.

Все шло, как надо, пока на горизонте не замаячила эта... Оксана? Таня? Как ее там? *Полина...*

Я прежде не запоминал имен его многочисленных пассий на одну ночь, ровно как и не помнил их лиц. Но теперь... теперь я словно нутром чувствовал, что на этот раз все по-другому.

И не зря.

Стоило ей войти в клуб под руку с Виком, как меня словно прошло разрядом тока. И внутри что-то ослепительно взорвалось. Вспыхнуло.

Я почти физически почувствовал, как меня накрыло.

Полина

В подобном месте я была первый раз. Всюду мерцали огни, грохотала музыка, в воздухе стоял запах табака и дорогих духов. Виктор явно чувствовал себя здесь в своей тарелке. Охранники, официанты, менеджеры — все приветствовали его как постоянного гостя. А какая-то полураздетая девица даже попыталась броситься ему на шею, но он тут же остановил ее движением руки:

— Не сейчас. — Виктор резко мотнул головой, обернулся, взял меня за руку и потянул за собой: — Идем, мы ненадолго.

Девица с недовольством возрилась на нас, но мы уже двинулись дальше сквозь толпу.

Я с ошеломлением разглядывала извивающихся на шестах и практически раздетых женщин. И поражал меня даже не их внешний вид и их бесстыдные движения, а то, как реагировали на них находящиеся в зале мужчины: вроде прилично одетые, состоятельные, многие даже трезвые, все они улюлюкали, свистели, тянули руки с зажатыми в них купюрами к стриптизершам и даже пытались ухватить их за бедра или задницы.

«Дикость какая», — подумала я.

Но, похоже, девушкам на сцене это только льстило: они зазывно прогибались, демонстрируя свое тело, бросали на посетителей манящие взгляды и многозначительно им улыбались.

— Я понимаю, что тебе не по себе, — как-то немного виновато посмотрел на меня мой спутник. — Потерпи немного, Полин. Я поговорю с другом, и мы сразу уйдем.

Не знаю, зачем он сказал мне это. Наверное, у меня был слишком смятенный вид.

- Мой желанный враг -

— И часто ты тут бываешь? — осторожно поинтересовалась я.

Вик рассмеялся — смущенно и нервно.

— Нет, — отмахнулся он и потянул меня за собой. — Редко. В основном из-за того, что тут всегда можно найти Марка.

«Врет», — поняла я.

— А вот и он. — Вик зачем-то крепче сжал мою руку.

Он будто волновался.

А я подняла взгляд и заметила столик в глубине зала. Самый дальний, он находился на небольшом возвышении, подиуме. От остальной части помещения он был огорожен железным каркасом с перилами. Посередине на фиолетовом диванчике, развалившись в небрежной позе, сидел мужчина.

Белая рубашка с закатанными до локтя рукавами, три верхние пуговицы расстегнуты — грудь с небольшой порослью темных волос поверх мягкого золотистого загара. Жилистые руки с тугими канатами вен, в одной из них зажат невысокий стакан с виски, в другой — толстая сигара.

Мужчина затаился, задумчиво прикрыв веки, и резко, будто нервно, выпустил дым из красивых, хищных губ. Он явно ощущал себя хозяином жизни или кем-то даже вроде бога. Или дьявола. Скользил презрительным взглядом по залу и продолжал недовольно хмуриться.

Мне почему-то совсем расхотелось подходить к нему. Разом стало так страшно, что этот человек сейчас повернется и заметит меня, что в лицо ударил холод, а по телу молниеносно распространился тягучий жар. Казалось, что от этого ощущения меня даже немного покачнуло и голова закружилась.

— Нам навстречу, — кивнул на ступени Виктор.

У меня задрожали колени.

Я не сводила глаз с незнакомца. Идеальный профиль: густая короткая бородка с безупречно ровным краем, кра-

душаяся от виска до подбородка, пухлые губы красивой формы, длинный нос с едва заметной горбинкой, густые темные брови и черные, как адова пропасть, глаза.

Весь его образ — продуманная до мельчайших деталей небрежность, созданная лишь для того, чтобы заявить: «Я — дьявол. Циничный, испорченный дьявол, для которого все остальные люди лишь букашки, которых можно давить ногами».

Мое дыхание оборвалось, а сердце замерло.

В этот самый момент мы и оказались перед ним.

— Привет! — Вик наклонился и приобнял его.

Я не дышала, ожидая момента, когда он отойдет и дьявол полоснет по мне взглядом.

Но это было неизбежно.

— Знакомся, это моя Полина, — радостно представил Виктор, оборачиваясь ко мне. — Полина, это Марк. Мой лучший друг.

Дьявол отклонился на спинку дивана и лениво запрокинул голову, чтобы удостоить меня своим вниманием. Отложил сигару и выпустил дым, медленно оглядывая меня с ног до головы.

Мое сердце метнулось вверх и забилось где-то в горле. Захотелось попятиться назад. Убежать. Наверное, так и стоило поступить, но меня будто пригвоздили к полу.

Его энергетика гипнотизировала, завораживала. Она действовала подобно парализующему яду и совершенно лишала воли. А взгляд... тот бил словно хлыстом. Невыносимо тяжелый, пугающий и дикий. Мне показалось, что этот человек в одну секунду занял собой все пространство вокруг меня.

— Здравствуйте, — проблеяла я не своим голосом.

Его кадык дернулся, а уголок губы изогнулся в злой ухмылке.

Взгляд из-под густых черных ресниц резко вонзился в мое лицо. Этот непроницаемый равнодушный взор

- Мой желанный враг -

каким-то чудесным образом забирался сразу под кожу. Медленно, осторожно, коварно. Въедался глубоко и распространялся по телу миллионами мурашек.

Мне все это очень и очень не нравилось.

Я ждала, когда он поприветствует меня в ответ, но тут дьявол, будто потеряв ко мне всякий интерес, медленно перевел взгляд на друга и глубоким, низким голосом произнес:

— Скажи своей соске, пусть пока погуляет, а мы обсудим с тобой наши дела.

Марк

Интерес. Вот что я испытал, впервые увидев ее в этой толпе одинаковых шлюх, вырядившихся так, чтобы продать себя подороже. Настоящий охотничий интерес, которого я не ощущал еще со времен студенчества.

Сейчас я мог купить любую: на час, на вечер, на ночь. Мог даже позволить себе приобрести карманную «собачонку» с надувными сиськами, которая будет следовать за мной по пятам и вежливо улыбаться всем моим гостям и деловым партнерам. Мог бы держать даже целый гарем из таких вот продажных, скучных и предсказуемых до оскомины на зубах дешевок.

Но были времена, когда я не мог себе позволить даже переспать с любой из них.

В десятом классе я влюбился по уши в свою одноклассницу Маринку и не знал, как к ней подкатить. Разумеется, Маринка даже не замечала меня. А когда я предложил ей встречаться, высмеяла на весь класс:

— Я? С тобой? Да ты посмотри на себя!

Я тогда страшно переживал, ощущал себя ничтожеством, но один случай изменил все. Летом после окончания школы я подрабатывал в автосервисе. Нужно было

перегнать одну шикарную тачку после смены. Представительский класс, кожаный салон, свежая полировка — не машина, конфетка.

Отъехал от сервиса буквально метров на пятьдесят, а тут она — Маринка. Идет по улице, походка от бедра. Опустил стекло, чтобы удостовериться, что это действительно она, а девчонка возьми да обернись:

— Загорский? Ты?!

Видели бы вы ее лицо. Восхищение, изумление, алчный огонь в глазах.

— Привет, Марина. — Автомобиль остановился возле нее.

Девушка наклонилась к окну, представив моему взору упругую грудь в обтягивающей кофточке.

— Твоя, что ли? — спросила она, внимательно оглядывая салон.

Я видел, как горят ее глаза, поэтому спокойно ответил:

— Моя. — Ухмыльнулся и хлопнул ладонью по пассажирскому сиденью: — Садись, прокачу.

Уже через двадцать минут она исступленно брала у меня в рот. Отчаянно старалась и пыталась удивить меня своим мастерством, заглатывая до предела и почти давясь. А еще чуть позже низко охала, когда я, наклонив ее на капот «своей» шикарной тачки, яростно насаживал ее задницу на свой вздыбленный член. И жалобно скулила, когда впивался пальцами в ее длинные волосы на затылке и с силой оттягивал ее голову назад.

В тот день я понял, что все покупается и все продается. Главное — цена.

А еще обнаружил, что схожу с ума от длинных женских волос. Буквально зверею. Это мой маленький порочный пунктик. Волосы у Маринки, кстати, оказались нарощенными, поэтому я тут же потерял к ней всякий интерес. Ровно как и к любой бабе, которую трахал после нее.

- Мой желанный враг -

Больше я не запоминал их лиц и имен. Не для того, чтобы не привязываться, нет. Мне просто не были интересны все эти куклы с конвейера с одинаковыми губами, носами, ресницами. Все эти длинноногие манекены, созданные лишь для того, чтобы удовлетворять основные мужские потребности. Я трахал их и тут же забывал. Некоторые не успевали даже одеться и уйти, а я уже не помнил, как они выглядели.

Но эта... Та, что привел с собой Вик... Откуда он ее вообще притащил?

Либо гениальная работа пластических хирургов и косметологов, либо на самом деле настоящая. Белоснежная кожа без капли косметики, россыпь светлых веснушек по щекам, пухлые губки такой интересной, по-детски наивной формы, что невольно сразу представляешь, как она обнимает ими твой член. Высокая грудь, обтянутая каким-то зачуханным свитером, гордые покатые плечи и осанка балерины.

Но самое главное – нереальное сочетание темно-янтарных глаз и светлых, пшеничного оттенка волос, доходящих длиной до поясницы. А этот взгляд: в огромных глазах растерянность, невинность и смятение, перемешанные с достоинством. Либо это все было шикарной актерской игрой, либо девчонка реально была аленьким деревенским цветочком, что маловероятно.

Мне почему-то сразу захотелось ее осадить.

Что бы там шлюха о себе ни думала, она останется шлюхой, и не более.

– Скажи своей соске, пусть пока погуляет, а мы обсудим с тобой наши дела, – бросил я, с нетерпением ожидая ее реакции.

Девушка моргнула, будто не расслышала. Затем ее глаза округлились и стали еще красивее, рот приоткрылся, а грудь поднялась высоко. И все за какую-то секунду.

Но первая реакция последовала не от нее, а от Воскресенского. Тот ухватил ее за запястье и повернулся ко мне:

— Она сейчас сядет, а ты встанешь, и мы отойдем.

Больше всего меня поразила его интонация. Вик никогда не разговаривал со мной таким тоном. Похоже, случилось именно то, чего я никак не мог предполагать: эта телка охмурила его так крепко, что у Воскресенского реально поехала крыша.

— О'кей, — улынулся я, понимая, что друг настроен решительно.

Поднялся и вышел из-за стола.

— Полин, прости, пожалуйста. — Вик за моей спиной пытался усадить взбрыкнувшую спутницу на диван. — Посиди, мы сейчас вернемся.

Я спустился вниз по ступеням и в тот же момент почувствовал толчок в спину.

— Какого хрена? — процедил сквозь зубы Воскресенский, разворачивая меня к себе.

— Эй, полегче, — предостерег я, отшвыривая от себя его руки.

— Ты соображаешь, Загорский? — снова налетел на меня Вик. — Это моя девушка, ты что мелешь?!

— Ты своих шлюх со мной за один стол сажаешь! — парировал я. — Я что, должен оказывать им какие-то королевские почести?

— Ты понимаешь, что ты сейчас делаешь? — покраснел он от гнева. — Ты унизил ее! И унижаешь меня перед ней!

— Остынь, детка. — Я отступил на шаг назад и оглядел друга. — Так ты ее просто разводишь, что ли? — Рассмеялся: — Так бы сразу и сказал, я бы подыграл тебе.

— Какая разница? — Вик метнулся вперед и навис надо мной: — Ты не должен так вести себя!

- Мой желанный враг -

— Как? — Я дернул плечами, поправил ворот рубашки. — Как, Витенька? Может, ты подсказешь, что я должен изменить в своем поведении, чтобы угодить твоим бабам? Или эта какая-то особенная? Как-то дает, не как все?

Воскресенский еле сдерживался. На его лице гуляли желваки, пальцы сжались в кулаки.

— Не баба, а девушка. Это моя девушка, Марк, запомни. На этот раз у меня все серьезно.

— Вау, — усмехнулся я. — Стало быть, поэтому ты всаживаешь в нее столько бабла?

В следующее мгновение он ухватил меня за грудки и подтянул к себе.

— Я трачу столько, сколько хочу. Ясно? — прорычал мне прямо в лицо. Затем медленно расцепил пальцы и опустил руки вниз. — Это мои деньги, я их заработал. Или, может, у тебя другое мнение?

Я сделал шаг и кивнул.

— Тебе пора включить голову, Воскресенский. Эта твоя...

— Полина, — подсказал он.

— Эта твоя Полина ничем не лучше остальных. Откуда ты притащил ее? Из какого-то Мухосранска? Значит, должен понимать, что она там всем колхозникам отсосала, а теперь тебя окучивает! Да у нее одно бабло в глазах, а ты для нее — лишь способ его получить. Они все одинаковые, каких бы овечек из себя ни строили, поверь моему слову.

— Она не такая, — тяжело дыша, сказал Вик. И ввинтил мне в грудь свой палец: — Не такая, понял?

— Ну да, — хмыкнул я, оглядывая его с жалостью.

— Со мной первый раз такое, Марк. Я не знаю, что это, но чувствую, что могу доверять ей. Чувствую, что это на всю жизнь.

— Ого! — Мне стало смешно. — Ты серьезно?

Вик положил свои ладони на мои плечи.

- Лена Сокол -

— Я прошу тебя, Марк. Посмотри на меня. — Он дождался, когда я подниму взгляд. — Прошу тебя вести себя с ней прилично, хорошо? Полина совсем другая, не обижай ее. Обещай.

И в этот момент я решил, что сделаю вид, будто прогнулся.

— Да. Как тебе угодно. — Шумно выдохнул: — Если придется быть паинькой, чтобы ты мог трахнуть свою колхозницу, значит, я побуду паинькой.

-5-

Полина

Никто и никогда не обращался со мной таким образом. Никто не унижал подобными словами. «Соска!» Что это вообще? Что означает? Хотя я догадывалась, и от этого становилось только обиднее. Щеки горели от ударившего в них жара, а коленки тряслись от холода и злости.

Я ерзала на диване, не решаясь встать и уйти. Если бы можно было убежать незамеченной, то так бы и сделала, но единственный путь отсюда проходил через лестницу, внизу которой стояли мужчины. Сталкиваться еще раз с этой сволочью прямо сейчас мне не хотелось.

Меня отчаянно лихорадило. Что он подумал обо мне? Что я проститутка? Но ведь я прилично одета, пришла сюда со своим молодым человеком. Или, может, я недостаточно респектабельно выгляжу? Не ровня такому обеспеченному человеку, как он?

Да пошел этот Марк! Ничтожество!

Единственное, о чем я сейчас жалела, так это о том, что растерялась, услышав обидные слова. Не сразу поняла,

- Мой желанный враг -

что мне прямо в лицо могут сказать что-то такое. Зависла, потеряла дар речи, а нужно было шарахнуть с размаху ему по роже, чтобы не потерять чувство собственного достоинства окончательно.

А теперь сижу тут. Жду. Ну, точно как та, кем он меня обозвал!

Черт, Полина, где же твое самолюбие?

Я решительно встала, выбралась из-за стола и подошла к основанию лестницы.

— Я уволил его.

— Ты его что? В смысле?

— Немножко подрихтовал ему рожу и выставил ногой под зад.

— Черт, нам нужно было сначала со всем разобраться!

— С чем тут разбираться, Вик? Эта тварь посмела сунуть свою лапу в наши счета!

— Он ведь оказался в трудной ситуации.

— В трудной? О'кей. Тогда этот урод должен был подойти к нам с тобой, рассказать о своем положении и попросить денег, а не переводить их молча на счет своей бабы!

— Но нам некому больше доверять. Мы не можем поставить на эту должность кого-то с улицы.

— И ему мы тоже больше доверять не можем. Скажи спасибо, что я не скормил его собакам, меня так и подмывало вчера это сделать!

— Спасибо.

— Нам нужен человек, который займет место этого увальня.

— Кто?

— Кто-то достаточно жесткий, чтобы уметь противостоять всей этой шобле, которая постоянно пытается нагреть нас на бабки.

— Я могу позвонить своему дядьке, у меня больше нет никого на примете. После смерти моего отца он живет

обособленно, ни с кем не общается, но в молодости отлично справлялся с подобной работой.

— Звони, — отрывисто сказал Марк.

И в тот момент, когда он начал оборачиваться, я отшатнулась и рухнула обратно на диван. В груди заклокотало от возмущения и волнения, пальцы нервно затеребили край юбки.

Все чужое. Все мрачное, странное, дикое. Мне не нравится тут. Не нравится в этом городе. Мне хочется к маме, но мама... И в глазах защипало от подступающих слез.

Шаги приближались.

Я слышала их даже сквозь шум музыки.

Сделала вдох, расправила плечи и повернулась. Марк поднимался первым. Поступь хищника, подобие улыбки на чувственных губах, пугающий холодный взгляд, в котором странным образом уживались равнодушие и злость.

При других обстоятельствах мне понравился бы именно он, но после услышанного оскорбления все, что я чувствовала при взгляде на этого человека, — это лишь отращивание. И первое, что ощутила, столкнувшись с ним взглядом сейчас, — это парализующий страх.

— Полина, — широко улыбнулся он, наклоняясь ко мне.

Я перестала дышать, вжавшись в спинку дивана. Едва не вздрогнула, выдав ему свой страх.

— Прости, что был груб. — Мужчина сел рядом и вплотную приблизился ко мне. — Твой прекрасный рыцарь объяснил мне мою ошибку. — Взяв мою дрожащую ладонь в свою руку, он поднес ее к губам и поцеловал. — Не держи зла, хорошо?

От звука его низкого голоса и ощущения прикосновения горячих губ к холодной коже меня затрясло еще сильнее. Я не поверила ни единому слову, и взгляд Марка только подтвердил мои опасения: черные глаза смеялись надо мной, в них плясал хищный, мстительный огонь.

- Мой желанный враг -

Я отдернула руку, и мужчина резко сжал челюсти. Повернулась к Вику, но тот довольно улыбался — он ничего не заметил.

* * *

— Ты не должна обращать внимания на Марка, — объяснял мне Виктор, когда мы садились в его машину. — Просто он такой, и вряд ли кто-то сможет это изменить.

— Он придурок. Нет, просто скотина! — возмущалась я. — Прости, конечно, но я не понимаю, как ты общаешься с этим человеком. Как говорят? «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты»? Тогда я в полном смятении. Что вообще у вас общего?

— Спокойнее, Польша, — улыбнулся он. — Я поговорил с Марком, он больше не станет говорить с тобой... в таком тоне.

— Ох, спасибо. — Я отвернулась к окну.

— Просто он вот такой. Невоспитанный, грубый, не умеет с женщинами по-другому. — Вик погладил меня по плечу. — Пойми, у него была тяжелая судьба. Трудные отношения в семье, с матерью и отцом. Все это сделало его не очень-то... вежливым.

— У вас общий бизнес? — я посмотрела на него.

— Да. Мы с детства вместе, — кивнул он. — И я доверяю Марку. Мне некому доверять в этой жизни, кроме тебя и него. Большие деньги — это еще и большие ставки, Польша. Вокруг полно людей, которые только и ждут, что мы дадим слабину, чтобы воспользоваться моментом и выкинуть нас из игры. Единственный, кто всегда будет на моей стороне, — это Загорский, вот что я знаю точно.

— Да он просто козел.

— Я понимаю, — виновато улыбнулся Вик. — Обещаю, что тебе не придется общаться с ним часто, но ты должна знать. В случае чего... или если со мной что-то случится... мало ли... только он сможет тебя защитить.